

«Факт развития державы»

Первая книга Юлия Кима

У Ахматовой есть четверостишие: «За такую скоморошину, откровенно говоря, мне свиноводу горошину ждаты бы от секретаря».

Скоморошины Юлия Кима, его озорное, дразнящее слово — из того же ряда. Пусть сегодня и не грозят автору «свиноводные горошины», нельзя забывать, чем оплачена так освежающая нас свобода его стиха. Ким из тех поэтов, для которых потребность высказаться сильнее инстинкта самосохранения. При всех неизбежных и мучительных компромиссах, на которые толкает жизнь, он не пошел на главный — продолжал вести хронику наших дней, называя вещи своими именами. Пусть таких стихов в книге не столь много, но не будь их, насколько ниже стала бы общая температура ее текста и соответственно острота нашего восприятия и реакции на прочитанное.

Искрающаяся художественным богатством, кимовская поэзия для меня прежде всего — явление нравственное. Может быть, причина в том, что современный человек читает современного поэта в первую очередь под этим углом: непроизвольно выясняя нравственную состоятельность его личности, его опыта и ища у него какие-то ответы или ориентиры для собственной жизни. Что же мы находим у Кима? Почему авторский образ настолько подкупает нас? Лишь несколько соображений. Ким никогда не бывает высокомерен. Он не обладает каким-то изначальным моральным превосходством. Мы безошибочно чувствуем, что строже всех он казнит себя самого и что его внутренний «беззащитный допрос» продолжается непрерывно. Его нравственное сознание никогда не дремлет. Оно заставляет его пристально анализировать, укрупнять, делать проблемными подспуд-

Надо ли знакомить с Юлием Кимом? Бард, драматург, создатель мюзиклов «Недоросль» и «Тиль», автор песенных текстов к десяткам пьес, кино- и телефильмов — вспомним «Бумбараши» и «Красную Шапочку», «Двенадцать стульев» и «Обыкновенное чудо»... Но

ные движения души. Характерен в этом смысле «Разговор» из «Летних записок 73». Всего несколько строк — а какое напряженное и емкое содержание. Двое сначала гневно обсуждают кого-то третьего, очевидно, не выдержавшего общего испытания, которое эти двое с честью выдержали. Через год уже лишь один выдерживает — и так же гневно уничтожает прежнего товарища-собеседника. Прошло еще три года — этот одиночка по-прежнему оказался стоек в своих убеждениях, он не сдался, не изменил своему слову. Не будь Кима, возможно, и мы остановились бы вместе с ним на жестком итоге: «Ну что ж, я не подвел. Я выдержал. Я знал, на что я шел. И я позором называть позор имею право. Кончен разговор!» Но Ким, автор миниатюры, не кончает разговор. Он сопровождает его еще одной строфой, в которой не гордость за стойка, а жалость к нему и негромкий укор. «Глухой и сильный — чем кичишься ты: избытком силы или глухоты? Хотя ты прав — по крайней мере в том, что мы всегда обещанного ждем, взыскуя недоверчивым перстом кровавых ран, оставленных крестом».

Поэт словно высвечивает тип вeterпимого борца, самодовольного и в страданиях. И в том, как побуждает он нас увидеть не совсем обычные грани явлений, и состоит назидательный урок его поэзии. Нигде открыто не декларируя того, он учит нас быть

добрее, видеть зорче, освобождаясь от штампов мыслей и чувств. Он ненавязчиво предлагает — как один из способов духовно выстоять и нравственно сохраниться в невыносимое безреме — простое средство: быть предельно честным хотя бы с самим собой, не опуститься до самообмана в оценке реальности. Такая адекватность восприятия дается лишь постоянным трудом души и ума. Кстати, в шутовском стихотворении «Моторчик» Ким в обычной иронической форме определил неразрывность для него эмоционального и интеллектуального начала, задав риторический вопрос: «Иль головушка тупеет, когда сердце не болит?». Так вот — не соблазнился успокоительной иллюзией, что «факт развития державы есть факт реальный. Видит Бог, жилья все больше, быт все чище...» и так далее. Нет, иметь мужество расплываться распадаем, трудность трусостью, увидеть и в веселой уличной пестроте «все тот же сон, беспомощный, тяжелый. Невидящие голые глаза». Безысходная тяжесть такой правды все же неизмеримо лучше убавкивающей совести лжи.

Я написала, что Ким никогда не бывает высокомерным. Это не совсем так. Ледяная надменность, сквозящая даже за самой дурашливой формой, овладевает им, когда он или его герои вынуждены вступать в контакт с облеченной властью системой — для него силой выморочной и вместе с тем злоеющей. Его обычная

Ким еще — или прежде всего — поэт, тонкий и глубокий лирик, со своим неповторимым голосом и взглядом на мир. И подумайте только: за тридцать лет работы в литературе первый стихотворный сборник!

широта и человеческая готовность к пониманию сменяются брезгливым отталкиванием от этого не-или недочеловеческого явления мертвечины, обозначенного им со всей резкостью: «тупость тварей бездуховных». Такая надменность — порой последнее, что может противопоставить сохраняющий способность чувствовать и мыслить человек могучему аппарату насилия, который играет со своей жертвой, как кошка с мышью. Когда приходится сосуществовать с этой силой в одном времени и пространстве, лирический герой Кима готов даже максималистски вычесть оскверненный отрезок бытия из жизни. «Что делать нам в постылый этот час, в котором нет ни суток, ни минут? Что делать нам в постылый этот час? Сидим и ждем, когда они уйдут...»

Это не просто описание легко угадываемой сцены обыска, когда хозяева с немой отчужденностью наблюдают за произволом «гостей». Это хроника внутреннего состояния, когда, отступая перед силой, человек сохраняет неисканенным строй чувств и ведет трезвый счет происходящему.

Такая вот надменная независимость, как единственно оставшееся средство свободного волеизъявления, — главное в поведении героя поэмы «Московские кухни» Ильи. Обложженный «по форме номер три», уличный «свидетель» строптивый дисидент, он использует последнее слово на суде непостижимо легкомысленно. Улыбается и поет:

Стаканчики граненые,
О чем звенели вы?
Головушки ученые,
О чем шумели вы?..

И кажется, что потребность спеть этот залихватский припев для него важнее и сильнее желания свободы, дороже собственной жизни. Обреченный «политический» по каким-то тайным законам вдруг наделяется магической силой, и вот уже, неспособные противостоять этой силе, вслед за Ильей все — и зал, и судьи, и свидетели, выговаривают против воли: «Стаканчики граненые, о чем звенели вы...»

В этом — весь Ким. Его аргументы, как правило, из иной, чем логика здравого смысла, системы. Если он и проговаривает какие-то доводы с позиций житейского рассудка, то лишь для того, чтобы тут же, оттолкнувшись от них, поступить наоборот. Или чтобы выявить, до какого смехотворного абсудра доводит такая «удобная» логика, когда следующий свидетель в запале орет на подсудимых: «Вы даже из-за трусости готовы в Соловки!» В ответ на убедительные соображения, почему не надо, и даже вредно — для дела! — выходить на площадь, герой не станет спорить, он охотно признает: «Во всем ты прав, а я не прав, как в песенке поется, но не могу я не идти — прости меня, милорд!» Его любимые герои несводимы к рациональным характеристам и поступкам, они подчиняются высшей и безошибочной логике совести и в большом и малом. И потому — старик, я ни в чем не виновен, но все ж ты меня извини». Эта логика нерациональна, и обретаемая — без малейшего стремления к этому — сила и власть над людьми нерациональны. Это — чудо притяжения непоказной духовной свободы.

В. САГАЛОВА.